

К 100-летию «Философского парохода»

**РУССКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
XX века**
и ее вклад
в мировую
интеллектуальную
традицию

Тезисы международной
конференции

ТОМ 1

Москва-Санкт-Петербург
2022

Аванесов С.С.

НовГУ им. Ярослава Мудрого

ФИЛОСОФИЯ КАК АВТОБИОГРАФИЯ: Н.А. БЕРДЯЕВ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Философская автобиография — такой феномен культуры, который заставляет нас говорить о взаимном соотношении субъективного и объективного в границах философского дискурса в целом, а также о том, каким образом можно устанавливать корреляцию между текстом философа о мире и текстом философа о себе самом, пишущем тексты о мире. Очевиднее всего такая корреляция проступает в экзистенциализме и персонализме, прямое отношение к которым имеет Николай Бердяев. Надо признать, что Бердяев (да и не он один) не только в автобиографии говорит о своей философии, но и в любой своей философской книге рассказывает о себе. Поэтому «Самопознание» — самая аутентичная книга Бердяева: именно здесь он прямо говорит о себе и излагает свою философию через себя, то есть философствует напрямую, наиболее для него естественно, без необходимости формально придерживаться стиля «объективного» философского рассуждения, соответствовать рамкам академического философского дискурса. Когда Бердяев говорит о себе, именно тогда он говорит как философ.

Чтобы текстуально выразить себя в своей подлинной сути, философу требуется особый язык. Философская автобиография не может быть написана в стиле простой констатации фактов объективной жизни. Поэтому и для Бердяева «разгадать тайну мышления» оказалось единственно возможным благодаря созданию нового философского языка [Климова 2017, 134], по возможности максимально приближенного к ритму внутренней жизни человека. «Я более человек драматический, чем лирический, и это должно отпечатлеться на моей автобиографии» [Бердяев 2005, 262–263], — признается философ. Поэтому-то Бердяев пишет, используя фрагментарность и афористичность: он пишет так, как мыслит, а мыслит так, как живет. В таком контексте философская автобиография предстает не как более или менее строгий литературный жанр, а как текстуальная форма личной жизни.

Однако личная жизнь в свете философского персонализма характеризуется всегдашней незавершенностью, перспективностью, перерастанием самой себя, постоянным метафизическим самопреодолением, выходом за собственные границы. Личность — это всегда проект. Автобиография в таком контексте прочитывается как инструмент самообнаружения и самосозидания. «Моя личность не есть готовая реальность, — утверждает Бердяев, — я созидаю свою личность, созидаю ее и тогда, когда познаю себя» [Бердяев 2005, 585]. Самопознание оказывается одновременно и актом творения, а написание автобиографии — практическим действием самосозидания. Однако в случае Бердяева мы должны сделать одну существенную поправку: автобиография не столько создает философа, сколько обнаруживает его. «Я всю жизнь искал правды, которую я изначально нашел, она была как бы a priori моего духовного пути» [Бердяев 2005, 604]. Именно автобиографическая рефлексия открывает автору себя самого, и только благодаря этому, вследствие этого он и становится самим собой — человеком, открытым себе самому в своей сути. Человек, который себя не знает, еще не стал собой, он еще отсутствует. Таким образом, автобиография есть онтологический акт, приводящий вспоминающего в состояние бытия.

Самопознание вскрывает ряд парадоксов, связанных с переживанием времени и пространства. Тот, кто вспоминает, оказывается не столько субъектом этого мнемонического процесса, сколько его продуктом. В памяти о себе смешиваются времена: собственное прошлое, в которое предстоит отправиться автобиографу, предстоит ему как его собственное будущее, в котором он еще только должен стать автором собственной биографии. Временное фиксируется в тексте лишь для того, чтобы стать преодоленным в переживании открывающейся вечности. Перемещение в пространстве оказывается для философа бесконечным подтверждением его сингулярности, предполагающей только внутренний путь самопознания. Заключительный парадокс состоит в том, что такое погружение в себя является единственным способом прикосновения к миру в целом, исключительной формой бытия личности-в-мире.

Имея в своем распоряжении биографию, автором которой является сам ее «герой», мы получаем возможность ответить на вопрос о том, кто такой этот человек с его собственной точки зрения. На

большее автобиография претендовать не может. Вопрос о человеке есть вопрос о том, каким он сохранился в культурной памяти человечества. Следовательно, это вопрос о том, кто он такой в биографиях всех людей. Есть ли он вообще там, в этих иных биографиях, в жизненном опыте людей, живших одновременно с ним, знавших его или знавших о нем? Из всех форм присутствия во всех биографиях (незаписанных и записанных) и должен складываться многообразный культурный портрет исторической личности. Но возможен ли в таком случае хоть сколько-нибудь единый образ человека? Ведь одни из свидетелей жили рядом с великим мыслителем и гениальным провидцем, другие — рядом с пустословом и фантазером, третьи — рядом с самовлюбленным скандалистом и графоманом, четвертые — рядом с махровым мистиком и политическим предателем. Найдется ли в их биографиях тот Бердяев, которого мы обнаруживаем в «Самопознании»? Эта проблема отсылает нас к вопросу о тонком рисунке культуры, побуждая признавать, что биография отдельной личности отпечатана в этом общем рисунке весьма разными линиями. И автобиографическая линия — лишь одна из многих линий в подвижной картине общечеловеческой культуры.

Литература

Бердяев 2005 — Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2005.

Климова 2017 — Климова С.М. Николай Бердяев и Василий Розанов: два опыта философской автобиографии // Человек. 2017. № 1.